

HARLEQUIN®

069

Луиза Аллен

РЕШНАЯ
ДЕВСТВЕННИЦА

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Annotation

Разбирая вещи после смерти родителей, Лора Кэмптон наткнулась на письма, из которых узнала, что рожденная ею вне брака дочка не умерла, как ее уверяли. Потрясенная Лора отправилась на поиски ребенка. Вскоре она узнала, что девочку растит лорд Эйвери Уикхем, кузен ее погибшего возлюбленного. Леди Кэмптон познакомилась с Уикхемом. И сразу же подружилась с маленькой Алисой. Исстрадавшаяся после стольких потерь молодая женщина была готова на все, чтобы стать матерью своему ребенку. Но лорд Кэмптон любит девочку и не отдаст ее. Открыто признаться в своем грехе Лора не может — это погубит ее репутацию, а значит, и будущее Алисы. Она решает соблазнить Уикхема и женить его на себе. Так она заполучит прекрасного мужа и обретет свою дочь...

Луиза Аллен

Грешная девственница

*Посвящается всем моим друзьям из Общества писателей
романтического жанра*

Апрель 1816 года — парк Вестервуд-Манор, графство Хартфордшир

Ну, замри же! Изображение в круглом объективе затрепетало, устремилось вперед по безупречно скошенной траве, понеслось через клумбы со свежей растительностью. Мелькнула ярко-голубая бумажная ткань...

Женщина, следившая за этой сценой, неожиданно зацепила ветку с такой силой, что поранила пальцы о грубую кору. Все сходится. Блестящие кудряшки цвета осенней листвы, маленький, но волевой подбородок, брови точно стрелы, а глаза наверняка зеленого цвета. Красавица. Какая прелесть.

Вдруг девушка на бегу улыбнулась и рассмеялась. Подзорная труба подскочила вверх, в ней возникло лицо мужчины. Волосы цвета осенней листвы, упрямый подбородок, угловатые брови, чувственные губы, на которых играла восторженная улыбка.

— Папа, папа! — В тишине погожего дня прозвучал детский голос.

Мужчина наклонился, подхватил ребенка на руки и направился к дому. Девочка опустила голову на широкое плечо мужчины и вцепилась в него, подобно обезьянке. Ветерок донес ее смех до края леса.

Подзорная труба со стуком упала на золотистый покров буковой листвы, а женщина, смотревшая в нее, спустилась по стволу дерева и свернулась калачиком под ним. Ее тело сотрясалось от рыданий, которые она сдерживала долгих шесть лет.

— Значит, вы ее видели.

— Как ты угадала? — Позади Лоры Кэмпбелл захлопнулась дверь.

— Только взгляните на себя. У вас лицо отпухло от слез. Миле... мадам, слезами делу не поможешь.

Вот и жди сочувствия от рассудительной служанки. Скрипнула плетеная корзинка с вещами для починки, когда Меб отодвинула ее в сторону, по кирпичному полу громко застучали ее каблуки, звякнула цепь, когда она водрузила чайник над огнем. Казалось, будто когти царапают грифельную доску. Однако слова Меб успокоили Лору лучше любых излияний сочувствия. Служанка слишком хорошо знала свою хозяйку.

— Да, я ее видела. Девочка само совершенство. — Лора выдвинула стул и села возле стола. С ее ботинок на пол упало несколько листьев. Лора стянула ботинки и, не глядя, швырнула их на коврик у входной двери. — Девочка похожа на Пирса. Она точно похожа на него.

— Что верно, то верно. — Меб плеснула горячей воды в чайник для заварки и встряхнула его.

— Нет, я хотела сказать, что ребенок похож на графа Уикхема. На Эйвери, кузена Пирса. — Она поджала губы, оглядела кухню небольшого домика, ставшего им пристанищем всего на два дня, и попыталась овладеть собой. Потом с трудом выдавила: — Девочка называет его *папой*.

— Но он ведь не скрывает своего отцовства. — Меб Дуглас воткнула ложечку в банку с чаем. — Стоило только спросить в магазине, кто обитает в большом доме, как меня тут же посвятили во все подробности. Я узнала, что его светлость только месяц назад явился сюда

из заморских странствий без жены, но вместе с ребенком любви и даже несколько не стыдится этого.

— Заморские странствия! — Лора потянула за ленточки шляпки. Хорошо бы задушить ими его светлость. — Он выкрал девочку в Дербишире, хотя для здешних людей, наверное, это графство вполне сойдет за заморскую территорию.

— Им об этом ничего не известно, ведь все случилось шесть лет назад, тогда он, видно, сразу же увез ребенка за границу. Он участвовал в работе Венского конгресса^[1], потом помог уладить какие-то неурядицы в Нидерландах. Во всяком случае, так говорят. К тому же мистер Пирс умер, а лорд Уикхем как-никак является главой семейства. Здесь говорят, что он вкладывает деньги в это имение. — Служанка обдала чайные листья кипятком. — Возможно, он полагает, что обязан нести ответственность и за ребенка мистера Пирса, и за старый дом.

Логика Меб бесила Лору. Служанка рассуждала точно адвокат дьявола.

— Возможно, это так, но у ребенка была мать. — Она так яростно скрутила ленточку шляпки пальцами, что та порвалась. — Но у девочки есть мать. *И это я.*

— Верно. И в этом вся загвоздка. — Меб наполнила две шашки чаем и поставила их на стол. — А теперь пейте чай. — Служанка села. Эта пухлая особа средних лет, ростом ровно в пять футов, любившая распорядиться, кивнула хозяйке с уверенностью женщины, присматривавшей за Лорой с тех самых пор, как той стукнуло десять лет. — Он знает, что вы мать девочки, но полагает, что *вам* она не нужна. Ему ведь неизвестно, что вы считали девочку умершей. Все дело в том, что вы собираетесь делать после того, как обнаружили ее?

— Он еще ни разу не видел меня.

Теперь, когда прошло первое эмоциональное потрясение, пора во всем спокойно разобраться. Лора ладонями разгладила складки юбки. Ей так надоели черные платья, которые приходилось носить с тех пор, как больше года назад от гриппа умерли родители. Ей хотелось сбросить траурные одежды и вернуться в общество, но то было до ужасной новости, перевернувшей ее мир. Теперь же черный цвет служил ей отличной маскировкой.

— У него нет ни малейшего повода усомниться, что я не та, за кого себя выдаю, — вдовствующая миссис Кэролайн Джордан, уединившаяся в провинции, чтобы восстановить силы и собраться с духом, прежде чем снова вернуться в общество.

— А как вы собираетесь познакомиться с холостяком-аристократом, который живет в большом доме, среди парка? — Меб все еще рассуждала, следуя логике. Лора же не признавала логики. Ей хотелось, чтобы совершилось чудо, а если ничего такого не произойдет, дать волю слезам, гневу и... — А что вы сделаете, если вам и в самом деле удастся туда проникнуть? Выкрасть девочку?

— Откуда мне знать! — Лора закрыла глаза и глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. — Извини, Меб. Я не хотела грубить. После того как обнаружили эти письма, я была одержима лишь одной мыслью — найти свою дочь. Я не думала ни о чем другом. И вот я нашла ее. А теперь понятия не имею, что делать дальше.

— Он называет ее Алисой, — заговорила Меб и коснулась руки Лоры. — Так мне говорили местные жители. Он зовет ее мисс Алисой Фолконер. Ее так и звали бы, если бы вы стали женой мистера Пирса. Не так ли?

У Лоры сдавило горло, было трудно говорить, найти нужные слова, когда в голове все смешалось. Но когда слова наконец слетели с ее уст, казалось, будто она не сможет остановиться.

— Ей шесть лет. Лишь однажды я слышала, как девочка вскрикнула, когда ее уносили.

Затем мне сообщили, что она умерла. Сегодня я услышала от нее лишь одно слово, а ты назвала ее имя. Имя, которое тебе сообщили незнакомые люди. Я должна радоваться, что девочка жива и здорова, но чувствую себя так, будто снова потеряла ее. Как они могли так поступить со мной?

Как могли ее родители — уважаемые лорд и леди Хартленд — сказать ей, что ее ребенок умер? Как они могли тайком избавиться от ребенка, своей внучки?

Правда, девочка оказалась в руках семьи Браун, уважаемых фермеров, арендующих земли в одном из отдаленных имений графа, но даже при этом...

— Родители считали, что делают вам добро, — утешала ее Меб. — Ведь вам тогда было всего восемнадцать лет. Они думали, что два месяца спустя вы сможете появиться в светском обществе и никто ни о чем не догадается.

— Неужели? Интересно, что же я должна была сказать молодым людям, от которых ждали предложения руки и сердца? «Мне столь прискорбно, милорд, но я уже не девственница. Вообще-то у меня есть ребенок». Я могла бы скрыть потерю девственности. Думаю, в публичных домах давно известно, как проделать столь ловкий трюк. Однако неужели родители полагали, что найдется простак, который ни о чем не догадается? — Лора понимала, что дает выход гневу и горечи. И то и другое не делало ей чести. Но Лоре было все равно. Гнев и горечь помогли ей выдержать пять лондонских сезонов и обрести известность дебютантки с самой дурной репутацией.

Ее прозвали Грешной Девственницей, что было неслыханной насмешкой. Лора Кэмпбелл, дочь графа Хартленда, слыла легкомысленной, кокетливой и развязной девицей. Однако, к большому недовольству мужчин, бегавших за ней, и к досаде матрон, открыто осуждавших ее поведение, никто не осмеливался утверждать, что она уже совершила роковой шаг, ведущий к гибели.

Верно, на балах она пила шампанское, стоя на террасе. Верно, она ускользала в темные аллеи и позволяла целовать и ласкать себя, чего не допустила бы ни одна невинная девушка. Верно, она имела обыкновение носить платья, достойные молодой женщины легкого поведения, скакала на лошади, отдаваясь порыву, четыре раза подряд могла танцевать с одним и тем же партнером, если ей того хотелось.

Через пять сезонов любую другую женщину считали бы старой девой, достойной сострадания. Однако... Ни один джентльмен так и не смог заявить, что Лора отдалась ему, хотя во всех клубах Сент-Джеймса ставили на то, что такое неизбежно случится. Однако ее удалось заметить лишь целующейся с каким-то повесой за розовым кустом. Никто не мог отрицать, что Лора красива, весела и не подводит друзей. К тому же она была дочерью одного из самых богатых и влиятельных родителей, никому не уступавших по своему положению. Несмотря на обидное прозвище и осуждающие взгляды компаньенок благородных девиц, Грешная Девственница продолжала вести себя в обществе столь же беспечно, и никто не догадался, что смерть возлюбленного и потеря ребенка сокрушили все ее надежды.

— Если бы кто-то полюбил вас, для него это не имело бы никакого значения, — осмелилась предположить Меб.

Лора фыркнула. Однажды и ей в голову пришла такая мысль. Однако, наблюдая за мужчинами, она пришла к выводу, что они настоящие лицемеры. А найдись страдалец от безнадежной любви, ему уж точно было бы не все равно.

В январе 1815 года, когда Лора готовилась к очередному сезону, чтобы отвлечься от

мрачных дум, ее родителей свалил грипп. Все случилось неожиданно и потрясло Лору. Через десять дней непрекращавшейся горячки родители скончались. Лора закрыла лицо черной вуалью, уединилась в Хартленд-Касл. Полное одиночество нарушали лишь редкие и неожиданные визиты мистера Бигелоу, адвоката, письма от кузена Джеймса, нового графа, сообщившего, что он пытается продать свой офицерский патент, чтобы вернуться домой.

Кузен Джеймс благодарил Лору за то, что та занимается делами имения, и советовал использовать все необходимые по ее усмотрению средства для того, чтобы перестроить вдовый дом в подходящее для нее новое жилище.

Спустя некоторое время Лора занялась этим, отправила в газету объявление о том, что подыскивает для себя компаньонку, но ни одна из кандидатур ей не понравилась. Она махнула рукой и решила пока обойтись без компаньонки. Ей вполне хватало общества Меб. Наконец спустя год после смерти родителей она стиснула зубы и начала просматривать личные вещи родителей, которые не были включены в завещание.

Миб молчала, пока хозяйка предавалась воспоминаниям. Вдруг Лора заметила, что Миб собирает чайную посуду и подбрасывает дрова в огонь.

— Как ты думаешь, почему мама сохранила все это? — неожиданно спросила Лора.

— Письма? — Миб встряхнула чайник и пожала плечами. — Никто ведь не собирается умирать так неожиданно. Никто не думает, что станут рыться в его личных вещах. Разве не так? Как-никак родители ведь не могли бросить свою внучку.

Эту шкатулку Лора нашла в запертом дорожном сундуке, забитом старыми отчетами, кулинарными книгами с загнутыми уголками, кучами давних счетов за платья. Она чуть не распорядилась снести все это вниз и сжечь, но вдруг заметила несколько листов с нотами. Лора вытащила их и отложила в сторону.

Однажды отец позволил какому-то антиквару раскопать древний холм на территории имения, и Лора вспомнила о нем, пока перебирала бумажные залежи, ставшие историей. Она вытаскивала листы с нотами и улыбнулась, обнаружив рецепт, в котором давался совет, как вернуть седым волосам естественный блеск, и вдруг сломала ноготь, наткнувшись на жесткую поверхность небольшой шкатулки, обитой железом.

Шкатулка была заперта, но Лора нашла ключ на цепочке, которую мать всегда носила с собой. Под крышкой обнаружилась аккуратная связка писем. Лора стала откладывать их в сторону, чтобы сжечь не читая, приняв за старые любовные письма. Ей не хотелось вникать в перипетии давней любви. Ей и своих приключений хватало. Вдруг Лора обратила внимание на почерк.

Мутноватые коричневые чернила, бумага скверного качества, а почерк говорил не столько о недостатке образованности, сколько об отсутствии практики. Вряд ли это любовные или семейные письма. Озадаченная Лора вытащила их и начала читать. И теперь, когда открылась вся правда, ей было нелегко хранить спокойствие. Лора встала, вышла из кухни в гостиную домика, который они сняли, и расхаживала по истертому турецкому ковру до тех пор, пока не успокоилась.

Сначала Лора была потрясена, обнаружив, что ее ребенок не умер и то, что каждый месяц ее родители получали письма с фермы в Дербишир-Дейлс. Девочка не знала забот, деньги поступали, а семейство Браун, только что потерявшее своего первенца, радовалось возможности растить здорового ребенка, как своего родного. И вдруг, 15 мая 1810 года, пришло известие, что у девочки неожиданно началась лихорадка и ее состояние быстро ухудшается. Миссис Браун похожим на колючки почерком сообщила, «что сегодня ранним

утром малышка тихо скончалась. Мы позаботимся о том, чтобы ее благопристойно предали земле на церковном погосте».

Понадобились целый день и бессонная ночь, чтобы оправиться от потрясения. Лора потеряла надежду, едва успев обрести ее. Подавленная таким известием, молодая женщина следующим утром хранила странное спокойствие. Она приказала собрать дорожные сумки и приготовить экипаж. Все же надо побывать на могилке дочери и не терзать себя, думая о том, что ребенка тайком, без надгробного камня, спрятали среди гробов в семейном склепе.

Прибыв вместе с Меб на ферму, Лора сразу вошла в прочное жилище из серого камня и тут же в порыве чувств забыла все тщательно отрепетированные слова, которые собиралась произнести.

— Я Лора Кэмптон. Мне все известно. Где она? — решительно спросила она, обращаясь к сухощавой женщине.

Та занервничала и стала пятиться назад, затем рухнула в кресло и закрыла лицо фартуком.

Муж встал между Лорой и своей рыдающей женой.

— Он говорил, что никто ничего не узнает. Он сказал, что приходится ей кузеном, так что девочка находится у него по праву.

— Что? — Здесь что-то было не так. Они ведь писали, что ребенок умер...

— Он сказал, что никто ничего не узнает, если мы сообщим о ее смерти и не станем болтать. — Браун покачал головой. Он был потрясен. Ему было стыдно. — Я знал, что нам не следовало так поступать, но он предложил нам большую кучу денег...

— Она не умерла. — Это был не вопрос, а утверждение. Лора уставилась на него, пытаясь понять, что происходит. Он? Кузен? — Расскажите мне все.

На ферму неожиданно явился джентльмен и представился как лорд Уикхем. Он знал все — кто мать девочки, кто платит им за содержание ребенка. Он показал свою визитную карточку, оба фермера видели его экипаж с гербом на дверце. Фермеры не усомнились, что он именно тот, за кого себя выдает. В экипаже сидели респектабельного вида женщина и кормилица. Он предложил Браунам деньги. Они не могли поверить, что денег столько, сколько не заработать за целую жизнь. За это от них требовалось лишь письмом сообщить лорду Хартленду, что ребенок умер.

— Малыши умирают все время, — тихо произнесла миссис Браун, больше не прикрывая свое лицо фартуком. — Все наши дети умерли. Мое сердце было разбито... — Она вытерла глаза. — Видите ли, у меня еще не кончилось молоко. Ее светлость, ваша мать, просила меня кормить малышку грудью.

Брауны жили одни на отдаленном участке земли. Никто не узнал, что у них в доме чужой ребенок. Все было так просто, а Уикхем говорил так властно и убедительно.

— Вам ведь эти деньги могут понадобиться, — говорил Браун. Его обветренное лицо стало непроницаемым, он хорошо скрывал свое горе. — Я знаю, мы поступили скверно, однако дойная корова издохла, а урожай выдался таким скудным, что даже с деньгами, которые ваш отец платил нам...

Лора уже оглядела чистую, тщательно вымытую кухню, пустую колыбель у очага, поседевшую голову миссис Браун. Все ее дети умерли.

— Оставьте эти деньги себе и забудьте о ребенке, о графе, приехавшем в экипаже, обо мне. Только дайте мне его визитную карточку.

Лора достала из своего ридикюля прямоугольную карточку с загнутыми углами и

взглянула на нее. Она вытаскивала ее каждый день в течение двух месяцев. Ровно столько ей понадобилось, чтобы выследить Уикхема, изменить свой внешний вид, придумать убедительную легенду для своих слуг и соседей.

Лоре нужны были убедительные доказательства того, что этот мужчина украл ее девочку. Из-за него мать не видела, как выросла малышка, как у нее появился первый зуб, не видела, как она сделала первый шаг, не слышала первое слово, которое произнесла ее дочь. И все по вине кузена Пирса, богатого дипломата Эйвери Фолконера, графа Уикхема. Лоре больше не нужна была визитная карточка из кусочка картонной бумаги: она видела его, этого симпатичного, смеющегося, безжалостного мужчину, которого ее дочь называла папой. Лора смяла в руке визитную карточку. Она размышляла над тем, как перехитрить этого лживого и наглого вора.

— Папа?

— М-м-м? — Ответить «да» было бы рискованно, он ведь мог и не расслышать коварный вопрос, заданный шепотом. Он уже раз обжегся на этом, а теперь в доме было полным-полно котят.

— Папа, когда мне можно будет покататься верхом на лошади?

Эйвери закончил читать письмо и изящным росчерком пера запечатлел под ним свою подпись. Сендерс, его секретарь, взял письмо, посыпал невысохшие чернила порошком и передал хозяину следующий документ.

— Когда я увижу, что твой новый пони достаточно крепко держится на ногах. — Эйвери вернулся к первому предложению и постучал по нему концом гусиного пера. — Сендерс, эту мысль надо выразить более четко. Мне хотелось бы, чтобы мое несогласие с этим предложением не вызывало сомнений.

— Милорд, я сформулирую это иначе. Это последнее письмо. — Джон Сендерс собрал все бумаги, положил в портфель и вышел. Он был третьим сыном священника, знал свое дело, отличался благоразумием, верностью и умом. Именно такие качества Эйвери требовал от своих подчиненных.

— Ну, папа...

— Мисс Алиса, — раздался тихий голос одного из слуг, обладавших не только этими качествами. — Его светлость работает. Идем, пора пить молоко.

— Дорогая, я найду к тебе перед сном. — Эйвери положил перо и ждал, когда голубые юбки Алисы скроются за дверью. — Мисс Блексток, я хочу кое-что сказать, если у вас найдется время.

— Милорд. — Няня ждала, сложив перед собой руки. Няня склонила голову, с безупречно убранными волосами, ожидая распоряжений его светлости. Мисс Блексток была няней Эйвери. Она единственная знала правду об Алисе. Блеку, как звала ее Алиса, прибыла в ту отдаленную ферму вместе с Эйвери, как только тому удалось разыскать девочку.

— Садитесь, пожалуйста. Мне кажется, что пора подыскать Алисе гувернантку. Каково ваше мнение? Конечно, не для того, чтобы посягнуть на вашу должность, а для того, чтобы приступить к первым занятиям. Алиса очень смышленная. — К тому же она импульсивна. Как ее отец.

— Разумеется, милорд. — Мисс Блексток хранила спокойствие, однако по ее заблестевшим глазам было заметно, что ей не терпится задать множество вопросов. — Значит, вы пошлете в газету объявление? Я велю миссис Спенс подготовить классную

комнату, подыскать спальню и гостиную для гувернантки.

— Если вам угодно. — Эйвери взглянул на волнистый газон, затем на низкую изгородь, у которой начинался парк. Это имение, доставшееся ему в наследство от кузена Пирса, было небольшим, но прекрасным. Эйвери завещал его Алисе вместе со всеми доходами. Он собирался сделать все возможное, чтобы обеспечить девочке положение в обществе. А это имение надо сделать процветающим, чтобы оно стало частью приданого Алисы. Главное начать с образования, для чего придется найти толковую гувернантку.

— Пока спешить не надо — здесь помещения еще успеете подыскать. Однако попросите миссис Спенс немедленно подготовить такие же помещения в Беркли-Хаус.

— Милорд, вы увезете мисс Алису в Лондон? — спросила мисс Блесток, уставившись на него.

— Да. Я намерен пробыть там до конца сезона. — Не стоило пускаться в объяснения, даже если эта служанка долго работала у него. Однако будет лучше, если та все поймет. — Я собираюсь жениться.

— Но, милорд... — Мисс Блесток умолкла, затем решила говорить откровенно: — А что, если мисс Алиса станет препятствием для этого?

— Вы имеете в виду, что Алису увидят рядом со мной? — Эйвери пожал плечами. — Я бы не подумал вступать в брак, если бы будущая жена плохо подумала обо мне только из-за того, что я люблю эту девочку. Любая женщина, которой не понравится Алиса, станет неприемлемой для меня.

— Я уж точно сумею разобраться в том, кто чего стоит, — тихо заметила няня. — Милорд, когда вы едете в Лондон?

— Через две недели. В конце апреля. — Разобраться в том, кто чего стоит. Вот это да. — Эйвери скривил губы, когда няня закрыла за собой дверь. Он уже давно не бывал в Лондоне в разгаре сезона. Будет интересно взглянуть, насколько хорош нынешний урожай невест.

— Апрель в Лондоне. Лучше ничего не бывает. — Спаниель застыл и вопросительно взглянул на Эйвери. — Бет, я вижу, ты согласен. Беги, выгони из норы какого-нибудь кролика.

Дробовик с опущенным в целях безопасности стволом покоился у него на руке. На тот случай, если он заметит одного из пушистых хищников, крадущихся в сторону огорода. Однако Эйвери прихватил ружье просто для того, чтобы найти повод для прогулки, пока ярко светило солнце и дул тихий ветерок.

«Я прожил почти половину жизни, — подумал он, усмехнувшись так, будто избрал предметом иронии самого себя. — В этом году мне стукнет тридцать, а я наслаждаюсь покоем сельской местности. Если так продолжится, я стану провинциальным сквайром, найду тихую жену, произведу на свет кучу детей и каждый год буду стричь овец, чтобы внести в свою жизнь хоть какое-то разнообразие».

Зрелые годы он провел в столицах Европы, участвуя в баталиях международной дипломатии. Эйвери думал, что здесь ему будет скучно или же сельская жизнь вызовет в памяти неприятные воспоминания о детстве, однако пока он чувствовал себя прекрасно. Объезжая свои владения, он убедился, что парк находится в хорошем состоянии, как и жилой дом на ферме, и жилища фермеров-арендаторов. Пирс был бы доволен, хотя он не очень интересовался земледелием. С раннего детства его кузена влекла военная служба.

«Он был безмятежен, но капризен», — поправился Эйвери. Легко содержать любовницу в городе, не впутывая ее в свои домашние дела. Однако уединенный сельский дом и маленький ребенок требовали соблюдать благоразумие. А порядочность подсказывала, что было бы цинично обустроить любовницу в Лондоне и одновременно искать себе невесту.

Все еще смутно размышляя о женщинах, Эйвери объехал группу из четырех буковых деревьев и застыл на месте. Под его обувью в сапог ногой треснула сухая ветка.

— Ой! — Сидевшая на стволе упавшего дерева женщина в черном вскочила. Но, заметив его, отпрянула назад. Ее лицо побледнело, глаза широко раскрылись. Эйвери показалось, что она хрупка, но крепка духом. Ее взгляд метнулся к ружью, затем к его лицу. На фоне темного дорожного платья выделялись ее белые руки, сложенные вместе.

— Прошу прощения, мадам. У меня не было намерения испугать вас.

— Наверное, я нарушила чужие владения. — У нее оказался приятный голос с легкой хрипотцой, отчего Эйвери показалось, будто она плакала. Он догадался, что эта женщина не просто строго одета, а носит траур. На пальце у нее было кольцо. Вдова. — Местные жители подсказали мне, что через это имение ведет дорожка общего пользования, однако я заметила оленя, приблизилась к нему и заблудилась... Милорд, если вы мне покажете дорожку, я вернусь назад и перестану быть нарушительницей. — Она уже пришла в себя от испуга и говорила холодно и твердо.

— Вы знаете, кто я такой?

Хлопая ушами, спаниель подбежал к женщине и сел у ее ног. С уверенностью человека, привыкшего к собакам, она наклонилась, чтобы погладить спаниеля по голове, при этом ее черные глаза сверлили Эйвери.

— Лорд Уикхем, местные жители описали мне вашу внешность.

В ее взгляде не было заметно ни дерзости, ни попытки кокетничать. Она могла бы с таким же успехом разглядывать дерево позади него, однако по телу Эйвери прокатилась

волна жара. Однако он почему-то насторожился. Эйвери охватили нежные мысли, но при этом ему почудилось, будто один его приятель, искушенный в дуэлях, поднял меч, как бы предостерегая его.

— Мадам, вы меня знаете, а я вас нет, — сказал он, зная, что маска дипломата надежно защищает его.

— Я Кэролайн Джордан. Миссис Джордан. Я сняла коттедж Крофта на несколько месяцев. — Похоже, женщина вполне овладела собой, но она ведь была не молоденькой девушкой, которую мог смутить случайный незнакомец. Она была молодой женщиной. Эйвери прикинул, что ей немногим больше двадцати, но меньше двадцати пяти лет. Судя по речи, спокойному достоинству и платью из дорогого черного материала, она была хорошо воспитанной леди. Стоя под деревьями в элегантном черном платье, она выглядела здесь подобно блестящему нефритовому ожерелью на куче угля.

— Миссис Джордан, в таком случае добро пожаловать в Вестервуд. Вы действительно оказались в стороне от дорожки, но я верю, что вы не станете охотиться за моей дичью и не снесете мои ограды. Можете гулять здесь, когда вам захочется. — Что же дернуло его за язык? Почему он сделал такое предложение?

— Благодарю вас, лорд Уикхем. Может быть, вы любезно покажете мне дорожку, ведущую к моему коттеджу?

Эйвери сделал движение, и его что-то кольнуло. На этот раз его ощущения носили чувственный характер, хотя она не сделала ничего такого, что можно было бы принять за флирт. Миссис Джордан потревожила его душевный покой, она осознавала свою женскую привлекательность. Она не сомневается в своих способностях, ей не нужно прибегать к каким-либо уловкам, предположил он. Однако ее глаза смотрели холодно, что говорило о чем-то большем, нежели равнодушие. Возможно, она даже не догадывалась, какое впечатление производит.

— Это мне по пути, если вы не возражаете прогуляться вместе со мной. — Эйвери обращался к ней так же вежливо и сдержанно, как и она к нему. Он обошел упавшее дерево, свистом позвал собаку и направился к дорожке, протоптанной его собственной лошастью. Однако Эйвери не предложил ей руку.

— Вы преодолеваете это препятствие? — спросила миссис Джордан, указывая на глубокие следы копыт перед упавшим деревом, на котором только что сидела. — Мне кажется, что сделать это не так просто.

— Мой скакун легко берет его. Мадам, вы занимаетесь верховой ездой?

Миссис Джордан не отставала от него, без всякого усилия делая большие шаги. Она запросто усидит на лошади. И на всем другом тоже, — подсказывало Эйвери навязчивое воображение.

— Я занималась. До того как надела траур. — Миссис Джордан произнесла это не глядя на него. Эйвери вдруг захотелось увидеть выражение ее глаз, движение губ, а не только повернутый к нему профиль. Он решил, что ее нос чуть длинноват, однако подбородок и скулы изящны. От холода ее щека порозовела, контрастируя с изгибом темных бровей и ресницами.

— Вас давно постигла эта утрата? — решился он спросить.

— Некоторое время назад, — ответила миссис Джордан тоном, исключавшим дальнейшие расспросы.

Ладно, мадам, если вы желаете продолжать такую игру, я больше не стану докучать вам!

Эйвери не привык, чтобы женщины относились к нему пренебрежительно, однако ее поведение, возможно, вызвано робостью или горем. Он больше привык к дипломатическим кругам, нежели лондонскому обществу, а леди, имевшие обыкновение присутствовать на зарубежных политических баталиях, были не из робкого десятка.

— Здесь нам придется расстаться. — В этом месте дорожка пересекалась с низкой изгородью, откуда каменные плиты, пристроенные к ней сбоку, образовали грубые ступени, ведущие к лужайке. — Если пойдете туда... — Эйвери указал в сторону леса, — то снова окажетесь на тропинке, которая выведет вас к церкви.

— Благодарю вас, милорд. До свидания.

Она уже собралась уходить, когда Бет гостеприимно затыкала. Миссис Джордан испугалась и споткнулась. Эйвери успел протянуть руку и удержать ее от падения.

— Папа! Вот ты где! Ты опоздаешь на чай. Мы собираемся пить его на лужайке.

Мисс Джордан обернулась и взглянула на Алису, стоя на краю спуска. Эйвери поддерживал ее одной рукой. Он чуть отпустил миссис Джордан, та продолжала неподвижно стоять на месте рядом с ним. Он мог бы поклясться, что расслышал, как она затаила дыхание. Миссис Джордан стояла так близко, что Эйвери уловил запах вербены лимонной.

— Мадам? Вы не ушиблись? Прошу прощения за несдержанные манеры дочери.

Похоже, вдова действительно задержала дыхание, ибо сейчас оно стало прерывистым.

— Пустяки. Я чуть подвернула лодыжку, когда хотела обернуться.

— Папа, эта леди будет пить чай с нами?

— Нет... я...

Черт подери, она здесь совсем чужая, она в трауре, она никого не знает. Что плохого, если она останется?

— Миссис Джордан, не хотите присоединиться к нам? Наверное, вашей лодыжке надо немного отдохнуть. — Видя, что миссис Джордан молчит, Эйвери добавил: — К тому же мы будем пить чай вне дома.

Он сказал это на тот случай, если миссис Джордан приняла его за опасного повесу, который использует детей в качестве приманки, чтобы скрыть нечистые помыслы соблазнителя. Манеры провинциала были ему не менее чужды, чем жителя Лондона.

— Благодарю вас, лорд Уикхем. С большим удовольствием. — Миссис Джордан приподняла голову, чтобы взглянуть на девочку, стоявшую выше ее. — Здравствуй, — произнесла она так серьезно, будто обращалась к герцогине.

— Здравствуйте, мадам. — Девочка («она ведь моя дочь», — подумала Лора) присела в изящном реверансе. — Меня зовут Алиса. — Она была без шляпки, в зеленом хлопчатобумажном платье с белым фартуком, на котором остались следы насыщенного играми дня.

— Позвольте мне, — предупредил лорд Уикхем, прежде чем Лора успела отреагировать. — Эти ступени надежнее, чем кажутся. Если вы обопретесь на мою руку, то легко подниметесь по ним.

— Спасибо. — Лора последовала его совету. Ставя ногу на первую ступень, она сообразила: надо продемонстрировать, что ее нога действительно пострадала, и шагала прихрамывая.

Когда Лора оказалась на последней ступени, Алиса протянула ей руку и маленькими цепкими пальчиками ухватила за ее кисть:

— Позвольте, я помогу вам.

Лору точно молния пронзила. Она споткнулась, упала на колени, пальцы ее руки сплелись с пальчиками Алисы. — О!

Глаза Лоры наполнились слезами, она часто заморгала, а потом зажмурилась, противясь желанию схватить дочь и бежать без оглядки.

— Наверное, вы не просто подвернули лодыжку. — Мужчина склонился над ней. Лора склонила голову, пряча от него лицо. — Алиса, отпусти ее, беги к Питерсу и скажи, чтобы он принес миссис Джордан стул и скамеечку для ног.

Лора была готова зарычать на него, когда Алиса отпустила ее руку и побежала вверх по склону лужайки. Однако она лишь сделала вид, что ее слезы выступили от боли.

— Позвольте мне. — Прежде чем Лора успела возразить, Эйвери поднял ее на руки и последовал за девочкой. — Я пошлю за доктором Персом.

— В этом нет надобности, — спокойно произнесла Лора, борясь с желанием вырваться из его рук, наброситься на него с кулаками и потребовать вернуть ее дочь. — Думаю, мне станет лучше после короткого отдыха.

— Пусть так, но я все равно пошлю за врачом.

Эйвери был не из тех мужчин, кто терпел возражения, Лора это сразу поняла.

— Спасибо, но лучше не надо.

— Как пожелаете.

«Я желаю именно так. Неужели никто не смеет возразить тебе?»

Лоре с трудом удалось обрести некоторое спокойствие, и она тут же решила вывести его из равновесия:

— Леди Алиса прелестный ребенок.

Последовала напряженная пауза, которую Лора и не заметила бы, если бы не настроилась на возможную реакцию Эйвери. Не замедляя шага, лорд Уикхем ответил:

— Она не леди Алиса. Она просто мисс Фолконер.

— О, прошу прощения. Кажется, местные жители говорили, что вы граф. Должно быть, я их не так поняла.

— Я граф. Однако я никогда не состоял в браке и уж точно не знаю матери Алисы. — Лора тихо ахнула от удивления, а он, наверное, подумал, что столь неожиданный ответ смутил ее. — Не думаю, что ребенок должен страдать за грехи отца. Я не стану скрывать ее вдали от людских глаз, не допущу, чтобы люди думали, будто я стыжусь ее.

— Ни в коем случае. — Лора внимательно посмотрела на него и не без ехидства добавила: — К тому же девочка очень похожа на своего отца.

Эта колкость достигла цели. Лора почувствовала, как мышцы его рук напряглись, но и только, своего волнения он больше ничем не выдал.

— Вы правы, — согласился лорд Уикхем, не обращая внимания на тон, каким Лора сказала это.

Как странно вести подобный разговор со своим противником, в то время как он несет тебя на руках. Лора не могла определить, что он чувствует, его лицо было бесстрастное, голос спокоен. Эйвери не мог ни в чем заподозрить ее, чем, наверное, и объяснялось его спокойствие.

Лора чувствовала запах его кожи и чистого белья.

Аромат мужского тела, ощущение крепких, сильных рук кружили ей голову.

Они достигли вершины склона. Лора уже вполне успокоилась, теперь ее занимало

только одно — как ей вести себя с этим человеком.

Под широкими ветвями огромного кедра раскинулась зеленая лужайка. Окна, доходившие до самой земли, были распахнуты настежь. Дул весенний ветерок. Слуги вынесли стол, стулья и расположили их под деревом, расставили посуду на столе. Алиса что-то говорила лакею, тот слушал ее наклонившись и смотрел в ту сторону, куда показывала девочка.

— Какой очаровательный дом. — Он должен был стать ее домом. Ее домом, домом Алисы. Лора еще ни разу в нем не бывала, но Пирс рассказывал о нем в те короткие бурные дни, когда они встречались. Этот дом мог стать их любовным гнездышком вдали от шума людской суматохи Лондона. Гнездышком для них одних. Лора мечтала о том, как создаст свой семейный очаг, и ее герой, вернувшись с войны, обретет здесь любовь и покой. Она представляла, как Пирс, такой красивый и счастливый в пурпурном мундире, сидит под кедром, вытянув длинные ноги.

— Да, это чудесный дом. Он хорошо спланирован. Но маловат, если сравнить с Уикхем-Холл, да и само имение невелико, зато здесь плодородная земля.

— Значит, это не основное ваше имение? — спросила Лора, когда они остановились у стола.

— Нет. Оно досталось мне в наследство от кузена. Вот стул для вас. — Эйвери ждал, пока слуга устанавливал прочный стул с подлокотниками. Алиса, чуть покачиваясь от тяжелой ноши, опустила перед ним скамеечку для ног. — Вот так.

Лорд Уикхем ловко усадил Лору на стул, но вовсе не проявлял желания поскорее выпустить ее из своих рук. Лора наблюдала за ним из-под ресниц, пока он шел к своему месту. И с какой стати он подхватил ее на руки? Лора пока еще не прибегла ни к одной из своих уловок, чтобы обольстить его. Ей было не до того, она подавляла желание осыпать его обвинениями и упреками.

А если ей понадобится очаровать его? Достойно ли это — пойти на такое, испытывая к нему столь противоречивые чувства? А почему бы нет? Ей всегда легко удавалось привлечь внимание мужчин, если возникало желание немного поиграть с их чувствами. И ей уж точно не составит труда обворожить этого мужчину. Он был таким же привлекательным, как и Пирс. Возможно, даже более привлекательным. Это был уже зрелый, сильный мужчина... к тому же опасный.

Лора улыбалась Алисе, а разговаривая с Уикхемом, чувствовала, как тает ее холодность к нему. Ей представилась возможность видеть свою дочь, говорить с ней. Если бы еще можно было взять ее на руки.

— Большое спасибо за то, что ты принесла мне скамеечку.

Лора положила свою ногу на скамеечку и поймала на себе быстрый взгляд графа, когда поправляла юбки, чтобы прикрыть лодыжку. «Похоже, он не так уж безразличен ко мне. Это полезно иметь в виду... Неужели, — Лора поежилась при этой мысли, — с таким мужчиной можно пофлиртовать?»

— У вас сильно болит нога? — Алиса стояла рядом с ее стулом, опустив руки на подлокотник, и внимательно изучала лицо Лоры. У нее были ясные зеленые глаза, и брови, как у ее настоящего отца, создавали впечатление, будто она все время чуть улыбается.

— Нет. Сейчас, когда нога в покое на скамеечке, мне намного лучше. Спасибо. Наверное, я чуть растянула ее. — Интересно, унаследовала ли девочка какую-нибудь из ее черт? Лора изучала маленькое детское личико и не обнаружила ничего, что могло бы выдать их родство,

если только, может быть, не считать изящно очерченный носик и изгиб верхней губы. У Алисы не было ничего от Лоры — ни темных волос, ни карих глаз, ни бледной кожи. Может быть, сходство проявится, когда девочка повзрослеет. Это было опасное желание.

— Почему на вас черное платье? Кто-то умер? — спросила Алиса.

— Алиса, это неуместный вопрос. — Граф отодвинулся от стола. По его лицу было заметно, что он недоволен.

— Тут нет ничего неуместного. — Лоре было легче рассказать о себе в ответ на невинный вопрос ребенка, нежели пытаться делать это в разговоре с графом. — Да, Алиса. Я потеряла мужа. — Ведь Пирс был ее мужем во всех отношениях, за исключением брачных обетов в церкви. — Затем умерли мои родители.

Маленькие теплые пальчики Алисы обвили руку Лоры. Девочка доверчиво смотрела на нее. От этого нежного прикосновения у Лоры заныло сердце.

— Вот почему у вас грустные глаза, — сказала девочка, и ее губы дрогнули. — Я потеряла свою маму. Это правда — я потеряла ее, но она жива. Папа говорит, что мама ушла и больше не вернется.

«Мне не вынести этого. Но я должна держать себя в руках».

— Думаю, твоя мама вернулась бы, если бы могла, — заметила Лора и кончиками пальцев дотронулась до личика девочки. — Наверное, она вспоминает тебя каждый день. Но мы не всегда можем поступить по своему желанию, даже если этого так хочет наше сердце.

— Алиса, сходи к мисс Блексток и попроси ее присоединиться к нам.

Лора взглянула на Алису, но та, видно, не испугалась ни резкого приказа Уикхема, ни повелительного тона. Казалось, девочка испытывала только доверие и любовь к человеку, которого считала своим отцом. Лора провожала взглядом маленькую девочку, пока та не исчезла в доме, затем, не мешкая, спросила о том, что ее взволновало:

— Почему вы не сказали девочке, что ее мать умерла?

Лорд Уикхем не возмутился Лориному вопросу, хотя имел на то все основания.

— Я не хочу лгать ей, — резко ответил он. — Миссис Джордан, вы пьете чай с молоком или лимоном?

— С лимоном, благодарю вас. — Лора обратила внимание на то, как легко он это произнес. — Однако вы... — Она не договорила, вовремя спохватившись. «Однако вы же внушили девочке, что приходиться ей отцом». — Вам не кажется, что девочке труднее смириться с нынешней ситуацией? — Выражение его лица стало еще более язвительным. — Прошу прощения, милорд, я не имею права говорить об этом.

— Вы нравитесь Алисе, — заметил лорд Уикхем, не отвечая на ее вопрос и не обсуждая его. — Мисс Джордан, у вас есть дети?

— Я потеряла ребенка. Других у меня нет.

Можно было без опасения сказать, что она родила ребенка, он не увидит в ней сходства с Алисой. Лора в этом несколько не сомневалась. Если лорд соизволит немного подумать, то естественно придет к выводу, будто она вышла замуж года три или четыре назад, спустя некоторое время после первого выхода в свет, а это укладывалось в традиции представителей высшего общества и давало достаточно времени для ухаживания и брака. Сейчас Лоре было почти двадцать пять лет. Стоило ей посмотретья в зеркало, чтобы убедиться в этом.

— Мне кажется, Алиса по природе очень дружелюбный ребенок.

Он кивнул и передал Лоре тарелку со сладостями и пряниками.

— У нее есть друзья, с которыми она может поиграть?

— Нет, ни одного. Почти всю свою жизнь Алиса провела за рубежом. Мы вернулись с континента более месяца назад. Много упущено, но вы, мисс Джордан, подняли этот вопрос кстати. Мне следует завести знакомства в этой округе, чтобы подыскать ей друзей ее возраста.

— Милорд, у меня не было намерения критиковать вас.

Лора сказала неправду. Как быстро он раскусил ее. Как дипломат, этот человек привык наблюдать за выражением лиц, прислушиваться к интонациям голоса и анализировать, о чем человек думает в действительности. Лоре придется вести себя осторожнее. Она бросила взгляд на дом и тут же отвела его. Он не должен заметить зависть в ее взгляде.

— Но я понял ваш намек, — ответил лорд Уикхем и впервые одарил Лору искренней улыбкой. Она поймала себя на том, что улыбается ему в ответ, и ничего не могла с собой поделать. Когда этот человек улыбался, его очарованию было трудно противостоять. И это сбивало с толку, ведь в лорде Уикхеме она не должна видеть ни одной хорошей черты. Ни одной, он ведь продажная душа, крадущая детей. Лора опустила взгляд, чтобы он не успел разгадать противоречия, раздражающие ее.

— Папа! А вот и Блеки. — Алиса, которая, похоже, не умела ходить степенно, резко остановилась перед Лорой. «Она такая же бойкая, как я в детстве». Лоре стало горько при этом воспоминании. — Миссис Джордан, это Блеки.

Няня сделала реверанс.

— Мадам, меня зовут мисс Блексток.

— Мисс Блексток, мисс Фолоконер — ваша гордость. «А вы можете гордиться заботой лорда Уикхема об Алисе», — подумала Лора, неохотно отдавая ему должное за достойное

обращение с ребенком. Значит, лорд все же не такая уж продажная душа, если Алиса любит его и если он столь тщательно подбирает людей, которые должны заботиться о ней. Столь справедливые мысли пришли Лоре не по вкусу, ее обуревало лишь желание ненавидеть его.

— Благодарю вас, мадам. — Послышалась какая-то возня, когда няня села рядом с Алисой, затем возник спор, когда ребенку захотелось сначала взяться за пирог, а не хлеб с маслом. Все это обычно для непринужденной семейной трапезы, но совсем не то, чего Лора ожидала и опасалась. Неторопливо поедая сэндвич с кресс-салатом, Лора поняла, что все это смущает ее.

Лора собиралась избавить своего ребенка от властного, ловкого и холодного тирана, а вместо этого нашла счастливую девочку и начала подозревать, что за внешней суровостью этого мужчины скрывается любящий отец.

Наконец-то чай допили, Алиса лестью выманила последний кусок пирога у графа, несмотря на то что мисс Блексток пыталась протестовать. Алиса соскользнула со стула.

— Мне можно встать, папа?

— Ты уже встала, — ответил он.

Алиса улыбнулась ему, и на ее щеках появились ямочки, затем девочка серьезно посмотрела на Лору.

— Миссис Джордан, вы еще придете к нам в гости? У нас очень весело и всегда найдется вкусный пирог. Возможно, тогда вам не будет так грустно. Вы сможете поиграть с моими котятками.

— Мисс Алиса! — Мисс Блексток поднялась и виновато посмотрела на Лору.

— Пирог действительно был очень вкусным, а в столь приятной компании мне уже сейчас весело, — ответила Лора. Сможет ли она прийти сюда еще раз? Осмелится ли? Не следует обещать ребенку то, что она, вероятно, не сможет выполнить.

— Джексон! — На зов графа появился слуга. Широко шагая по газону, он приближался к ним. — Пошлите кого-нибудь в конюшню. Пусть Феррис запряжет двуколку и отвезет мисс Джордан домой.

— Умоляю вас. Не обременяйте себя. Я дойду сама, — возразила Лора, когда слуга поспешил к дому. — С моей лодыжкой уже все в порядке.

— Я не допущу, чтобы вы отправились в путь без сопровождения. К тому же будет лучше, если мы не выйдем из леса вместе. — Граф снова улыбнулся, на этот раз он намекал не на возможное заигрывание, а на то, что отлично знает правила хорошего тона.

— Как скажете, лорд Уикхем. — Если бы Лора опустила глаза, прикрыла бы их ресницами, то дала бы понять, что догадалась о смысле его взгляда. В ответ она состроила ему дежурную светскую улыбку, в которой, однако, не было и намека на флирт. — Благодарю вас.

— Просто не знаю, что делать. — Лора расхаживала по гостиной, ее черные юбки задевали книжный шкаф, стоявший по одну сторону, и диван по другую. — Я думала, что девочка несчастна и одинока, но похоже, она любит его, а он любит ее.

— А что бы вы сделали, если бы она была несчастной? — строго поинтересовалась Меб. — Похитили бедную малышку?

— Думаю, я обратилась бы в суд, — ответила Лора. — Конечно, я понимаю, что тогда погибла бы моя репутация, но это единственный выход, какой приходит мне в голову.

Разумеется, если бы все шло как в готическом романе, тогда можно было бы похитить Алису и прятать ее в замке с башнями, пока не явится мой принц и не спасет нас обеих.

«Правда, у меня нет принца. Да он мне и не нужен».

— Но девочка ведь счастлива, за ней хорошо ухаживают и любят. Почему не оставить все как есть? — спросила ее верная служанка, уперев руки в бока. — Я не могу смотреть на то, как вы предаетесь отчаянию. К тому же мне пора заняться уборкой.

— Потому что он не заслуживает ее! Он лгал, он обманывал и купил девочку, будто та была рабыней. Он не имеет права на нее.

— Она незаконнорожденная, — изрекла Меб, протирая полки тряпкой. — От этого никуда не деться. Граф достойный человек, а с ним девочке лучше, раз он добр к ней. Он способен защитить ее лучше, чем вы.

— Он богат, он принадлежит к привилегированному классу, он...

— И вы тоже, — выпалила Меб против своей же логики. — Но он мужчина и способен защитить девочку разными способами. Его репутация не пострадает из-за того, что он признал ребенка любви, а ваша погибнет, как и все влияние, которым вы еще можете воспользоваться.

— Мне он не нравится. — Устав от нервного напряжения, Лора почти упала на диван, утонув в подушках.

— Это как-то связано с тем, что он угостил вас чаем? — спросила Меб. — Вам ведь не жить с ним. А Алисе приходится.

— Я — мать Алисы! — с тоской почти крикнула она. — Все эти годы я думала, что ее нет на этом свете. И вдруг обнаружилось, что девочка жива. У меня появилась надежда, которая тут же и угасла, когда меня снова обманули. Но она жива. А теперь... Теперь мне надо сделать ради Алисы все возможное. Мне так больно, Меб. Так больно.

— Ах, моя милая... — Меб отбросила тряпку в сторону, — только не плачьте. Последнее время вы часто даете волю слезам.

— Я не плачу. — Глаза Лоры были сухими, но сердце обливалось слезами. Ее душа кровоточила.

Меб тяжелой походкой пересекла комнату и села на диван.

— Девочка любит его, и, видно, он сделает для нее все возможное. Он, похоже, один из тех, кто держится за семью, что бы ни случилось. И этим гордится их род. Вам следует радоваться за нее и заняться собственной жизнью. Вскоре он отправится за границу. Эти дипломаты странствуют повсюду. Только подумайте, сколь новых мест увидит девочка, как она будет радоваться. А когда она вырастет, он даст ей огромное приданое и найдет ей прекрасного мужа. Она будет счастлива. Вот увидите.

— Я знаю. — «Я знаю. Все так и должно быть. Я рада, что она жива, так умна, весела, добра и прелестна. Но она так и не узнает, что Пирс был ее настоящим отцом, она так и не узнает, что мать любила и желала ее». — Останусь здесь на неделю. Только на неделю. Я увижусь с ней еще раз. Я хочу убедиться, что она действительно находится в надежных руках, затем вернусь в Лондон, сниму траур и вернусь в общество.

— Вот это правильно. Но кто же будет сопровождать вас? — спросила Меб. — Вы отвергли всех этих низеньких и толстых ухажеров, которые наносили вам визиты, откликнувшись на брачное объявление. — Меб встала и весело хлопнула Лору по плечу, затем ушла искать свою тряпку.

— Я написала Флоренс, кухне матери. Она вдова, ей живется не очень хорошо. Она

говорит, что с удовольствием будет сопровождать меня.

— Что? Леди Карстерс? Та самая, про которую ваша мама говорила, что у нее в голове солома вместо мозгов? Из нее не получится хорошей компаньонки.

— Я слишком стара для других компаньонки. Мне нужна всего лишь леди, которая поддержит меня морально.

— Вот как. — Меб фыркнула.

— Да, я понимаю. Кое-кто скажет, что я поразительно легкомысленна, но мне уже поздно заботиться о своей репутации, да я и не жажду обзавестись мужем. Пока передо мной двери открыты, мне все равно.

— Найдется не один мужчина, готовый смотреть сквозь пальцы на грешок из вашего прошлого.

— Ты хочешь сказать, он поступит так ради моего происхождения и приданого? — Найдутся и джентльмены, готовые не придавать значения рождению Алисы, когда настанет ее время выходить замуж, и все из-за влиятельного отца и денег, которые пойдут на приданое. — Думаю, вряд ли найдется такой мужчина. К тому же мне нужен человек, который готов на все ради любви. — Но вряд ли какой-то мужчина тронет ее сердце и пробудит ответные чувства. Лоре не хватит смелости пойти на такой риск, еще одна неудача убила бы ее.

«Ты струсила», — насмехался ее внутренний голос. Когда-то Лора была готова на все ради любви. Но не сейчас. Сейчас она была готова лишь страдать и сражаться за благополучие Алисы.

Вдруг Меб хлопнула рукой себя по лбу:

— Так недолго и собственное имя забыть. К вам приходили, пока вас не было. Я совсем забыла об этом, когда вы, белая как полотно, вернулись в том шикарном экипаже. Посетители оставили свои визитные карточки. Я принесу их.

— Три визитные карточки. — Лора взглянула на них и обнаружила, что на них значатся имена замужних леди. У визиток были загнуты углы. А это означало, что их владельцы приходили сами. — Твой поход в местный магазин явно вызвал некоторый интерес.

— Женщина, стоявшая за прилавком, настоящая сплетница и, видно, рассказала всем, кто к ней заходил. Я постаралась намекнуть, кто вы, чтобы знали, что мы респектабельны и с кредитом не возникнет никаких проблем. То есть я сообщила, что вы именно то лицо, за кого себя выдаете, — поправила себя Меб и шмыгнула носом.

— Миссис Гордон, достопочтенная миссис Фили от и миссис Триммет. Думаю, она — жена пастора, поскольку здесь значится адрес дома приходского священника.

Я проведу их завтра. На визитных карточках сообщается, что по вторникам они всегда дома.

— Что? Вы ведь очень рискуете. Они могут кое-что пронюхать.

— С какой стати они начнут сомневаться, что я не та, за кого выдаю себя? Я ведь не выдаю себя за леди, занимающую положение, которое могло бы вызвать их любопытство. К тому же будет странно, если я не явлюсь с ответным визитом. — Лора смотрела на визитки, которые держала веером на ладони и поняла, что уже приняла решение. — Я останусь здесь на неделю и разузнаю все о лорде Уикхеме. Эти леди и их подруги будут стогать от любопытства, ожидая его прибытия. К тому же они расскажут много интересного.

— А вы прежде говорили, что сплетни вам не по душе, — пробормотала Меб.

— Это так, но я воспользуюсь ими, раз нет иного выбора. Могу спорить на крупную

сумму, что эти леди знают все о том, что происходит в господском доме. Остается лишь дать им повод рассказать мне об этом.

Постучав в дверь дома приходского священника следующим утром, Лора подумала, что один из недостатков роли, которую она играла, заключается в том, что у нее нет ни слуги, ни экипажа.

— Мадам? — Ливрейный слуга, открывший дверь, уж точно не смахивал на напыщенного лондонского дворецкого. Лора вздохнула с облегчением. Она вряд ли осмелилась бы вести себя как дочь графа, если бы слуга отнесся к ней пренебрежительно.

Лора передала ему свою визитную карточку.

— Миссис Триммет дома?

Слуга едва взглянул на имя, значившееся на визитке. В сельской местности порядки оказались не столь строги.

— Разумеется, миссис Джордан. Пожалуйста, входите, мадам. — Слуга взял у нее зонтик и распахнул дверь. — Мадам, миссис Джордан.

За столом сидели две леди. Между ними стоял поднос с чаем. Одна из них — седовласая и полная — тут же встала:

— Миссис Джордан! Добрый день, мадам. Как мило, что вы навестили нас. Разрешите представить вам миссис Гордон.

Она обладала уверенностью напористой леди, которая осознает свое надежное положение в обществе и всю жизнь занимается организацией комитетов, светских и благотворительных мероприятий, а также жизни других людей с их на то позволения.

Лора и миссис Гордон, выцветшая блондинка неопределенного возраста, раскланялись. Лора села. «Я убью двух зайцев одним ударом», — довольно подумала она.

— Прошу извинить меня. Вчера, когда вы приходили и оставили свои визитные карточки, меня не было дома. Поскольку я здесь совсем недавно, новые знакомства доставляют мне радость.

За чаем Лора вытерпела вежливые расспросы и охотно подробно рассказала о своей тяжелой утрате, подавленном настроении и желании переменить обстановку, прежде чем снова вернуться к привычной жизни. Обе леди выразили Лоре свое сочувствие, серьезно заверили ее в том, что Вестервуд-Магна прекрасная, здоровая местность, где она скоро восстановит здоровье и душевные силы, и осторожно начали расспрашивать гостью о ее положении и семье.

Лора поделилась заранее придуманной легендой и отведала немного пересохшего печенья.

— Вы обнаружите, что люди здесь дружелюбны и гостеприимны, — заметила миссис Гордон, как сообщила Меб, жена городского юриста, который нашел покой в небольшом сельском имении, проводил время за рыбалкой и разведением охотничьих собак.

— Я очень надеюсь на это, — пробормотала Лора, пользуясь благоприятным случаем. — Боюсь, вчера я чисто случайно причинила неудобства хозяину барского дома.

— Лорду Уикхему? — Обе леди тут же насторожились.

— Да. Я заблудилась, пересекая его парк, и сбилась с дорожки. Граф случайно обнаружил меня, я испугалась и подвернула лодыжку. Он был так добр, что предложил мне перекусить, а затем отправил домой в своем экипаже. — Скрыть это обстоятельство в столь небольшой округе было невозможно, а по жадным взглядам обеих леди Лора догадалась, что

те уже слышали об ее возвращении в экипаже из барского дома.

— Вот как! Как досадно, — заметила миссис Триммет с плохо скрываемым удовольствием и подалась вперед, приглашая Лору рассказать подробности.

— Я чувствовала себя неловко, однако граф простил мое вторжение в его владения. Что касается угощения, я выпила всего чашку чая за столом на лужайке. Нам прислуживала одна из женщин, работающих у него. Разумеется, я отказалась бы войти в дом.

— Разумеется, — хором согласились обе женщины, явно мечтавшие оказаться именно в такой ситуации.

— Пожалуйста, расскажите нам, — заговорила миссис Гордон, — как выглядит этот граф? Конечно же мой муж оставил ему свою визитную карточку, они познакомились, но граф еще не нанес нам визит.

— Граф соблюдал все формальности, был вежлив, но, видите ли, он показался мне высокомерным. Возможно, все дело в этих дьявольских стреловидных бровях...

Обе леди, сидевшие напротив Лоры, притихли, их полные любопытства лица застыли, а на губах появились почти одинаковые натянутые улыбки. Лора слишком поздно почувствовала, как сквозняк коснулся ее затылка, когда открылась дверь.

— Граф Уикхем, — объявил слуга.

Вряд ли граф не расслышал, что сказала Лора. Она подавила желание выскочить из этой комнаты. У нее остался выбор из двух возможностей. Лора могла извиниться и, вероятно, еще больше увязнуть в щекотливой ситуации или же сделать вид, будто ничего не говорила.

— Ми... милорд. — Казалось, что даже мисс Триммет лишилась самообладания. — Как любезно с вашей стороны, что вы нанесли нам визит. Можно я представлю вам миссис Гордон? — Этой матроне удалось выдавить из себя общепринятые вежливые слова. — Наверное, вы знакомы с миссис Джордан, — добавила она, когда граф вошел в комнату.

— Миссис Гордон, рад знакомству с вами. Миссис Джордан, вот мы снова и встретились. Вы оправились после вчерашнего падения? — Голос графа звучал вкрадчиво и мягко, и Лоре уже казалось, что он вряд ли стал свидетелем ее оплошности. Она не сомневалась, что ее щеки покрылись яркой краской, и пыталась скрыть свою растерянность, отхлебывая прохладный чай. «Слава богу, что его посадили рядом со мной!»

— Нога уже совсем перестала болеть. Благодарю вас, лорд Уикхем. — Лора бросила взгляд на часы, которые, к счастью, висели напротив графа. Она сидела здесь двадцать минут, что означало, что, следуя правилам утренних визитов, миссис Гордон скоро уйдет, поскольку отведенные ей полчаса уже миновали. — Я только что рассказывала этим леди, что вчера нарушила границы вашего чудесного парка. — Лора улыбнулась и покачала головой, когда миссис Триммет жестом указала на чайник. Она допьет эту чашку, затем откланяется, как только подвернется удобный момент. Миссис Гордон явно решила продлить свой визит после того, как явился столь интересный гость. Этим она нарушала принятый этикет.

— Вы ничего не нарушали, к тому же моя дочь Алиса пришла в восторг от знакомства с вами.

Обе пожилые женщины напряглись, вежливые улыбки угасли на их сжатых губах. Граф сказал это намеренно, подумала Лора. Эти слова были произнесены не случайно — он хотел увидеть реакцию этих леди. Тут Лору осенило. «Они ведь строят нелестные догадки относительно моей дочери».

— Мисс Алиса чудесная девочка, — ответила Лора. — У нее такие очаровательные манеры, она так прелестна и умна. Милорд, она ваша гордость. Я надеюсь, что очень скоро девочка обретет здесь маленьких друзей. Миссис Триммет, у вас есть внуки?

На лице жены приходского священника появилось такое выражение, будто ее укололи булавкой.

— Гм... нет. Они все в Дорсете. Какая жалость.

— Мои внуки на следующей неделе приедут погостить у меня, — сообщила миссис Гордон. — У меня две внучки шести и восьми лет. Может быть, мисс Алиса пожелает приехать к нам на чай?

Довольное выражение на ее лице сменилось такой тревогой, что Лора чуть не рассмеялась. Она читала мысли этой женщины — у графа есть дочь... но незаконнорожденная. У миссис Гордон возникнет повод войти в большой дом... однако это рискованно, ведь соседи могут осудить ее.

Лора решила, что защитила Алису и, возможно, искупила свою вину за нетактичное замечание в адрес лорда Уикхема, которое было непростительно, что бы она ни думала о

нем.

— Ради Алисы я с удовольствием принимаю это приглашение, — ответил он.

Лора рискнула искоса взглянуть на него и встретила приятную, но озорную улыбку, в которой чувствовался какой-то намек. Или же ей это просто показалось?

— Ну что ж, здесь так чудесно. Спасибо, миссис Триммет. Надеюсь, что застану миссис Филпот дома, — сказала Лора, вставая.

Лорд Уикхем поднялся и оказался рядом с ней, отчего Лоре стало не совсем уютно в этой женской гостиной.

— Я была у нее около часа назад, — сообщила миссис Гордон. — Так что вы ее обязательно застанете в Лорел-Лодж. Миссис Джордан, мне доставило большое удовольствие познакомиться с вами.

Продолжая обмениваться любезностями, Лора удостоила графа, придерживавшего для нее дверь, легкого поклона. Она вышла, надеясь, что ее уход не смахивает на бегство. У дома приходского священника стоял маленький двухколесный экипаж, в котором сидел грум. Лора предположила, что тот ждет графа. Проходя мимо экипажа, она с завистью взглянула на пару гнедых. Увидев ее, грум коснулся своей шляпы. Лора пошла по лужайке, тянувшейся перед группой коттеджей, и направилась к повороту, который, как ей говорила Меб, вел к Лорел-Лодж.

Лора шла без спешки, надеясь, что свежий воздух и время позволят ей восстановить внутреннее спокойствие. Лора коснулась щеки запястьем, не прикрытым перчаткой, и с облегчением обнаружила, что та не пылает от смущения, чего она опасалась. Чего она ожидала? Лора поймала себя на мысли, что надеялась услышать, как эти женщины начнут поносить Уикхема, делиться сплетнями о нем, которые подкрепили бы ее неприязнь к нему. Но она добилась лишь того, что лорду и в голову не придет еще раз пригласить ее в свой дом. Она лишила себя возможности видеться с дочерью.

— Здесь настоящая глушь, милорд, — заметил Грегг, скрестив руки на груди. Не глядя на собеседника, Эйвери догадался, что тот ухмыляется.

— Верно. Но такова уж сельская жизнь, — согласился он.

— Милорд, мы к этому вряд ли привыкнем.

— Это уж точно. — Уикхем подумал, что симпатичному груму средних лет, поглядывавшему на смазливых девушек, трудно обходиться без театров, таверн, парков, где можно весело провести время. — Через неделю или две мы отправимся в Лондон, — обрадовал он своего приунывшего приятеля. Том Грегг служил ему более десяти лет и пользовался свободой, которую не мог себе позволить никто из прислуги графа.

Грегг удовлетворенно вздохнул, а мысли Эйвери вернулись к загадке, которую для него представляла миссис Джордан. Что именно ей не понравилось в нем? Разумеется, кроме бровей, которые вряд ли могли бы побудить хорошо воспитанную леди отрицательно высказаться о нем перед двумя почти незнакомыми леди. В его присутствии она вела себя безупречно, хотя и была холодна, однако он постоянно ощущал ее настороженность и враждебность, как бы странно это ни выглядело. Возможно, она так относилась ко всем мужчинам. Граф предположил, что это могло быть следствием несчастного брака, однако инстинкт подсказывал, что такое отношение к нему носит личный характер.

Это не только вызывало досаду, но и представляло для графа загадку. Миссис Джордан была привлекательной женщиной, и Алисе она понравилась. Он кисло улыбнулся своему

тщеславию и подумал, что не привык, когда леди с самого начала испытывает к нему неприязнь.

— Милорд, нам надо свернуть сюда. — Грегг указал на дорожку, ведущую в сторону от зеленого луга.

Сейчас граф оказался перед выбором. Конечно, можно позволить острой на язык вдове взять верх над собой или целых полчаса терпеть ее неприязнь в доме миссис Филпот. Нет, к черту, подумал он, направляя пару гнедых к дорожке. Ему говорили, что у миссис Филпот имеются юные родственницы, а он не собирался лишать Алису возможности завести друзей из-за предрассудков миссис Джордан.

А вот и миссис Джордан неторопливо шагает по дорожке прямо перед ним, будто у нее в мире нет никаких забот. Граф заметил, что и на этот раз она идет без сопровождения служанки. Разумеется, слуги у нее также нет. Но, впрочем, это всего лишь тихая сельская местность и середина дня, так что вряд ли стоило спешить с выводами относительно ее средств, респектабельности или происхождения.

Лошади графа пошли шагом, почва здесь была мягкая, и миссис Джордан, видно, не услышала приближения экипажа, даже когда он поравнялся с ней. Граф не проронил ни слова и заметил, как она вздрогнула, когда одна из лошадей фыркнула. Казалось, она не совладала со своими нервами. Граф вспомнил, как у миссис Джордан покраснела шея, когда она заметила его и догадалась, что он мог услышать ее обидные слова. Ему хотелось прикоснуться к теплой коже шеи миссис Джордан и выяснить, не покраснела ли еще какая-нибудь часть ее тела...

— Миссис Джордан. Еще раз добрый день. Разрешите подвезти вас к дому миссис Филпот.

Лора бросила взгляд на дюжего Грегга.

— Спасибо, лорд Уикхем, однако мне доставляют удовольствие пешие прогулки, — ответила Лора и продолжила путь.

Значит, она не желает разговаривать в присутствии грума. Что ж, это разумно.

— Грегг, возьми поводья, — сказал граф. — Жди меня у Лорел-Лодж через полчаса.

Пора во всем разобраться.

Лора даже не подняла головы, когда двухколесный экипаж стал удаляться. Широкими шагами граф пошел следом за Лорой. Она не удивилась, когда он оказался рядом с ней, уже полностью овладев собой.

— Милорд? Вряд ли есть необходимость сопровождать меня, ведь до цели рукой подать.

— Однако мне надо поговорить с вами.

— Вы ждете моих извинений. Милорд, я сожалею о невежливых словах, которые произнесла в доме приходского священника.

— А вы не могли бы перестать называть меня *милордом*? — Эти слова сорвались с его уст невольно, испуганный взгляд Лоры говорил о том, что граф удивил ее не меньше, чем самого себя.

— И как же мне следует называть вас?

— Кэролайн, меня зовут Эйвери.

— Разве мы настолько близки, что настала пора обращаться друг к другу по имени? Если бы мы были друзьями с детства или кузенами, я бы припомнила это.

— Я не против дружбы. Не понимаю, что я сделал такого, что дало вам повод испытывать неприязнь ко мне. Если я вас чем-то обидел, мне хотелось бы исправить свою

оплошность.

— Как же вы могли обидеть меня? — спросила Лора, не глядя на него. — Мы только что познакомились. И к чему вам дружба со мной?

— Алисе вы нравитесь. Думаю, женское общество желательно для нее.

Лора затаила дыхание, ее волнение каким-то образом передалось графу, холод пробежал по его спине. «Так вот в чем дело... Я возжелал эту бойкую на язык и строптивую вдову с бледным лицом». Эйвери застыл на месте, будто уже протянул руку, прося ее остановиться. Лора тоже остановилась.

— Взгляните на меня.

Лора чуть повернулась и с серьезным выражением лица пытливо посмотрела на него. Как и в парке, она всматривалась в него так напряженно, точно изучала не только его внешность, но также мысли и характер. Казалось, что каждая мышца под ее тонкой кожей напряглась, а в черных глазах отражались настороженность и страх и теперь еще кое-что. Граф мог спорить, что это было нечто такое, чего она совсем не желала.

— Как бы там ни было, — пробормотал Эйвери, размышляя вслух, — мы испытываем физическое влечение друг к другу.

— Вы себе льстите! — Лора выглядела и возмущенной, чего ему следовало ожидать, и застигнутой врасплох.

— Нет. Нет смысла стыдиться инстинктивной реакции. Но я ведь прав, разве не так? — Пока они говорили, граф стянул перчатку с правой руки и пальцами коснулся ее щеки. Теплая, нежная кожа. Мышцы чуть дрогнули под этой кожей, но она не отступила, не отбросила его руку и не ударила его по лицу. — Кэролайн, вас что-то гнетет?

Граф прочитал ответ в бездонных глазах Кэролайн, смотревших на него без тени доверия, однако ее реакция не говорила о слабости.

— Вы снова льстите себе, полагая, что нежелание заигрывать с вами объясняется какой-то ошибкой в моей жизни.

— Я не пытаюсь заигрывать с вами. — Он понял, что говорит правду. Легкомысленный флирт лишь разжег бы желание коснуться ее. — Мне ваше общество необходимо исключительно ради дочери, а также чтобы понять, что влечет нас друг к другу и что причиняет вам такую боль.

Она опустила ресницы, прикрыв глаза. Когда Лора открыла их, ему показалось, что она приняла какое-то решение.

— У меня нет причин доверять мужчинам, особенно сильным, властным, особенно тем, которые стремятся распоряжаться жизнями других. Но прошло уже много времени с тех пор, как... Я не могу ничего поделать с собой, если возникает чувство к зрелому мужчине. Но я не желаю обсуждать эту тему.

Или поддаться этому чувству. В этом нет никаких сомнений. «Что за человек был ее муж? Тиран? Или не допуская возражений громила? Все же этот человек пробудил ее плотские чувства». Граф уверял себя, что одно не исключает другого.

— Я не собираюсь злоупотреблять вашим вниманием. Я уже говорил, что лишь хочу понять вас.

— Разбираться в людях — ваша профессия, разве не так? — Лора снова неторопливо зашагала в сторону дома. Несвойственное для графа импульсивное поведение, похоже, вызвало в женщине еще большее недоверие к нему.

— Да, это так. Я изучаю побуждения людей, их сильные и слабые стороны.

Обстоятельства, при которых они проявят снисходительность, и обстоятельства, при которых не уступят ни на йоту, будут стоять насмерть.

— Если хотите, я навещу Алису, — невпопад заявила Лора. Напряженная интимная атмосфера окутала их, словно туман, однако Лоре, похоже, хватило сил не поддаться очарованию мгновения. — У нее есть гувернантка?

— Нет, но я очень скоро собираюсь нанять ее. Я считаю, что девочка и в самом деле очень способна. Однако я не собираюсь подавлять ее радость и энергию строгой учебой.

— Гувернантку следует выбрать очень тщательно. — Похоже, Лора успокоилась, теперь в его обществе она чувствовала себя более непринужденно. Эйвери надел перчатку и зашагал рядом, стараясь попадать в ногу с ней. — Лучше всего выбрать молодую энергичную женщину с естественными манерами. Девочка очень напоминает...

— Кого?

— Мою лучшую подругу Имоджен, когда та была в возрасте Алисы. Пожилая, церемонная женщина может подавить характер девочки.

Лора задумалась над его словами.

— Кэролайн. — Эйвери произнес ее вымышленное имя, но она не отозвалась. — Кэролайн?

— Ах! Прошу прощения, я задумалась. Знаете, вам не следует называть меня по имени.

Задумалась? Посреди разговора, который начался с чувственного влечения, затем перешел к теме, к которой она проявила мнимый интерес? У него создалось впечатление, будто она не узнала собственного имени...

— Я забылась, думая о выборе гувернантки, — объяснила Кэролайн. — Я знаю, многие считают, что женщинам свойственно думать о множестве вещей одновременно. Боюсь, что мне это не по силам.

Впервые Лора произнесла нечто похожее на шутку. Эйвери упрекал себя за подозрительность. Вот что получается, когда проводишь слишком много времени в обществе профессиональных лицемеров, отпетых шпионов и ловких женщин.

Граф заметил, как Кэролайн глубоко вздохнула, будто избавляясь от каких-то тяжелых дум.

— Эйвери, это, наверное, Лорел-Лодж. Как вам кажется, не лучше ли нам явится туда порознь? — Граф скрыл свое удивление, услышав, что она назвала его по имени. Но Лора сама ответила на свой вопрос: — Однако притворяться глупо. Оставшись одни, они все равно станут сплетничать о нас. — Когда граф отворил калитку перед Лорой, та искоса взглянула на него. — Столь же глупо давать им повод думать, будто мы что-то скрываем.

— Вы совершенно правы. — Эйвери постучал в дверь, удивляясь маске спокойствия, которую Лора мгновенно надела, подобно опытной светской даме. Да, действительно, скрывать нечего, они только что во время визита оба признали, что недавно познакомились. Что, собственно, не должно вызывать удивление.

Сидя за столом, Лора поймала взгляд Эйвери и сдержала желание улыбнуться. Появление Лоры вместе с Эйвери представило миссис Филпот, ее дочерям, двум гостившим здесь женщинам и молодому человеку, всячески угождавшему хозяйке дома, весьма удобный повод для всевозможных догадок. Конечно, если они любят посплетничать.

Это был небольшой городишко — средоточие манерного общества. Появление таинственной вдовы и хорошо известного в международных кругах дипломата — отличный

повод для сплетен и догадок, которых хватит на многие месяцы.

Лоре было нелегко улыбаться, вести себя непринужденно, допускать фамильярность, которой Эйвери добивался. Но все это необходимо, раз ей хотелось провести хотя бы какое-то время с Алисой. Она перестала сдерживать себя, и это напоминало отступление от твердой позиции — неприятия и недоверия — и переход к рискованной игре в подозрение и... к чему именно? Граф говорил о физическом влечении. Он прав, в этом у нее не оставалось сомнений. Граф был наделен очень привлекательной внешностью, умом и силой. Он был настоящим мужчиной. Граф напоминал ей Пирса, только более зрелого, к тому же он не был таким безудержным романтиком, как его кузен.

Одна из дам обратилась к ней с вопросом, Лора улыбнулась. Да, это действительно очаровательный городок, как раз такой, в котором лучше всего поправлять здоровье. Да, лорд Уикхем любезно согласился проводить ее, хотя она несколько не сомневалась, что в этой местности леди может прогуливаться одна, не опасаясь за свою безопасность.

Его светлость похвалил миссис Филпот ее племянниц, которые играли в саду под присмотром гувернантки. Возможно, хозяйка дома сможет посоветовать лорду, как лучше найти гувернантку для его дочери?

Лора решила, что миссис Филпот более утонченна и опытна, чем жена пастора. Она и глазом не моргнула, когда упомянули мисс Фолконер. Именно миссис Филпот предложила, чтобы Алиса навестила ее девочек и поиграла с ними. Лора порадовалась тому, что у Алисы появится возможность обзавестись подругами.

Ну а теперь ей пора уходить, положенное время для визита прошло. Она не пробудет здесь дольше недели, хотя и не собиралась говорить об этом сейчас. Пожалуй, нет необходимости заводить новые знакомства, ей будет достаточно тех, что она уже завязала.

Эйвери согласился выпить еще одну чашку чая и весьма умело выдерживал томные взгляды мисс Филпот, брюнетки со свеженьким личиком. Теперь появился удобный случай откланяться, ибо лорд вряд ли сможет отказаться от чашки чая и внимания юной леди, не обидев ее.

Лора возвращалась домой по тропинке, мысленно повторяя имя Кэролайн Джордан, Кэролайн. Эйвери чуть не разоблачил ее, когда она не отозвалась на свое вымышленное имя. Если она собирается выдержать целую неделю встреч с ним, должна крепко запомнить, что здесь ее зовут не Лора, а Кэролайн.

На что он надеялся, заявив, будто их влечет друг к другу, да еще и предложил называть его по имени? Неужели за этим скрывается попытка соблазнить ее? Лора поежилась. Было непросто примириться со столь неожиданным выводом, ведь она ни на минуту не забывала, кем является в действительности. Подобный ему мужчина, конечно, отнесется к вдове совершенно иначе, чем к незамужней женщине. Возможно, граф счел ее достаточно искусственной для мимолетной любовной связи.

Лора сказала правду, признавшись, что у нее уже давно ничего такого не было. Не стоило уточнять, что это означает. Граф и так понял, что речь идет о том, когда она в последний раз спала с мужчиной. Самое ужасное, что Лора вдруг вспомнила лицо Пирса, когда тот целовал ее, лежа на ней, проникая в нее... оно менялось, куда-то исчезало, превращалось в лицо Эйвери Фолконера, графа Уикхема. Ее врага.

— И это называется верховой ездой! В бриджах?! — Эйвери возмутился, точно благодетельная матрона.

— А как же еще? — возразила Лора. — Так Алиса научится держать равновесие и обретет уверенность, прежде чем ей придется иметь дело с дамским седлом.

Алиса в одежде, взятой из гардероба внука повара, наблюдала за ними и качала головой, точно зрительница, следившая за игрой в бадминтон. Пререкание длилось уже минут десять. Грум, придерживавший голову маленького серого пони, с отсутствующим взглядом уставился в сторону выгула, явно желая оказаться подальше от места словесной баталии.

— Вы именно так обучались верховой езде? — строго спросил Эйвери.

— Разумеется. — Лора и теперь совершала верховые прогулки в подобном костюме, если никто не мешал ей. — Меня беспокоит лишь безопасность Алисы.

— Тогда все прекрасно. — Как Лора и ожидала, это окончательно решило исход спора. Эйвери легко поднял девочку и ловко опустил ее в седло. — А теперь вы...

Алиса тут же вставила свои ножки в стремя и забрала поводья.

— Пока тебя вчера не было, тетя Кэролайн в детской учила меня верховой езде на конек-качалке.

— Тетя?

Лора пожала плечами. Состроив беспечное выражение лица, она от всей души радовалась тому, что Алиса быстро все усваивает и доверяет ей.

— Похоже, я стала родственницей.

— При условии, что вы не возражаете против столь фамильярного обращения. — Эйвери взял запасной повод у грума. — Феррис, страховать буду я, ведь у девочки это первый выезд.

— Я тоже с вами, — заявила Лора, ей не терпелось понаблюдать за первым уроком дочери по верховой езде.

Стоя на жесткой грязной соломе загона, Эйвери взглянул на изящные кожаные полусапожки Лоры, но ничего не сказал. «Сообразительный мужчина, — подумала она. — Интересно, где это он научился угождать женщинам». Но граф вряд ли был бы столь беспечным, если бы дело касалось его самого.

— Натяни вожжи, чтобы почувствовать, как реагирует пони. Прижми колени к его бокам и чуть коснись пятками, чтобы он шел вперед, — приказал Эйвери.

Когда пони двинулся вперед, Алиса взвизгнула от радости, но тут же и умолкла. Было видно, что она напряжена и сосредоточена.

— Не напрягай руки и запястья.

Лора опустила ладонь на сжатые пальцы девочки как раз в то мгновение, когда Эйвери сделал то же самое. Их руки в перчатках встретились, переплелись и застыли в таком положении. Алиса захихикала.

— Бедный Подснежник, теперь мы все катаемся на нем.

— Расслабься, — пробормотал Эйвери. Лора бросила на него строгий взгляд. Граф говорил не с ребенком. — Держи спину прямо, — добавил он, отпустил руку Лоры и хлопнул Алису по плечу.

— Не вставай. — Лора ухватилась за седло. — Вот так. Когда будешь сидеть в дамском

седле, твоя спина и попка должны будут находиться в таком же положении, как сейчас.

Они дважды обошли загон, разговаривая только с девочкой, их руки встречались, когда оба пытались помочь маленькой всаднице или поправить ее осанку. Лора была на седьмом небе от счастья. Несмотря на присутствие этого мужчины, на его прикосновения. Она находилась рядом с дочерью, помогала ей, стала свидетельницей ее радости. Лора хвалила, она ободряла и улыбалась, когда Алиса с восторгом поглядывала на нее. Лора сдерживала чувства, которые рвались наружу. *Осталось пять дней.*

— Я хочу пустить пони рысью.

— Нет, — резко возразил Эйвери.

— Почему нет? — спросила Лора. — Алиса, верховая езда — трудное дело. Ты должна упереться ногами, напрячь колени, подниматься и опускаться одновременно с шагами пони, иначе тебя начнет трясти так, что у тебя застучат зубы.

— Алиса не сможет скакать во весь опор, сидя в дамском седле, — заметил Эйвери.

— Вот почему вы не так часто видите леди, пускающих лошадей рысью, но так Алиса укрепит свои ножки. Алиса, держи равновесие и не дергай резко за поводья. Работай только пятками, вот и все.

Пони рванул с места, а высокий мужчина бежал рядом с животным. Взволнованная девочка подскакивала в седле. Бум-бум.

— Я то лечу вверх, то падаю вниз! — крикнула Алиса.

Лора стояла у ворот и наблюдала за тем, как пони скачет по кругу. Эйвери остановился рядом с ней, ничуть не запыхавшись. Для дипломата он был в отличной физической форме. Лора ожидала, что граф проведет весь день, работая над документами или устроившись за столом для заседаний, но она, видно, ошиблась.

— Алиса, на сегодня достаточно. А то завтра не сможешь встать. — Граф подхватил девочку и опустил ее на землю. — А теперь беги домой к Блеки и к завтраку переоденься во что-нибудь приличное.

Эйвери взял Лору за руку, когда девочка, на прощание погладив пони, побежала к дому.

— Благодарю вас.

— За что?

«За то, я час наслаждалась обществом дочери? За то, что я убедилась — моя дочь не безразлична графу и он позаботится о ней?»

— За то, что вы подыскали ей эту одежду и убедили меня, что кататься верхом очень полезно. Алиса в восторге, а это залог успеха. Через неделю-две она сможет покататься, сидя в дамском седле.

Лоре казалось, что она ничего не сказала, но граф вопросительно взглянул на нее.

— Нам не придется ничего заказывать. Феррис уже нашел одно маленькое дамское седло на чердаке конюшни. Вы останетесь на завтрак?

— Я...

«Я бы вошла в дом, если бы могла. Все осмотрела бы, все вспомнила бы. Через неделю-две мы могли бы учить Алису сидеть в дамском седле...» Как соблазнительно было бы остаться, все больше погрузиться в жизнь Алисы, узнать о ее привязанностях.

— Вас смущает то, что придется войти в дом холостяка? Как вам кажется, разве Алиса и ее няня не проследят за соблюдением приличий должным образом?

— Да, конечно. Я с радостью принимаю ваше приглашение.

Конечно, ей было все равно, что скажут дамы из церковного прихода, если узнают

правду. Пройдет несколько дней, и Лора уедет отсюда, к тому же она встречалась с ними с одной целью — найти Алисе маленьких друзей для игр. Эта цель была достигнута.

Теперь Лору волновало лишь обретение собственного душевного равновесия. Еще, однако, ее волновал этот мужчина.

Когда рядом не было Алисы, Эйвери будто нависал над ней. В воображении Лоры, да и в самом деле он вырисовывался точно огромный объект. Алиса любила его. Лоре пришлось признать, что он тоже любит девочку. Граф был умным, приятным и симпатичным собеседником. Часть сознания Лоры была не прочь полюбить его, даже возжелать... *его*. И все же он похитил ее дочь с ясным намерением разлучить ребенка с матерью. Взятками граф подтолкнул на ложь арендаторов другого землевладельца. Он готов добиваться своей цели любыми средствами и без угрызений совести. Лоре следовало ненавидеть его, но она напрасно старалась. Она завидовала ему, ревновала и опасалась его.

И все эти чувства были недостойными, думала Лора, идя рядом с Эйвери Фолконером в сторону дома. *Дома Пирса*. То обстоятельство, что Эйвери здесь так легко освоился с ролью хозяина, стало для Лоры еще одним огорчением. И в этом случае ей не пристало быть недовольной, ибо с арендаторами обращались хорошо, земля давала обильный урожай, слуги находились при деле. Этот мужчина ведь не виноват, что его кузен умер, что Пьер нарушил данное слово, бросив ее накануне свадьбы, оставив ради какого-то романтического понятия долга и доблести.

Легкий ветерок трепал ее волосы, выбившись из-под шляпки, они то и дело закрывали ей лицо. Лора отбрасывала их назад. Ей хотелось обхватить голову руками и поразмыслить трезво, ясно, чтобы избавиться от сонма противоречивых чувств.

Лора заметила, что Эйвери смотрит на нее. Она не поднимала глаз, желая избежать взгляда графа именно сейчас, когда стала единственным объектом его внимания. Кроме той фразы, о физическом влечении, Эйвери не сказал ничего непристойного или дерзкого. Лора все время ждала от него каких-то слов и действий, но тщетно. И еще ее возмутило то, что она думала о нем как о мужчине, привлекательном и желанном.

А что, если его поведение — уловка для достижения намеченной цели? А что, если Эйвери вел свою игру, надеясь, что слова о физическом влечении заинтригуют ее? Возможно, это лишь начало рискованной игры в обольщение.

— Вы тяжело вздохнули. Устали?

— Да. Я устала, — ответила Лора, не подумав. — Я устала оттого, что меня водят за нос. Два дня назад вы говорили о том, что нас с вами влечет друг к другу, и на этом все закончилось. Вы никак не объяснили свое поведение, вы не заигрываете, вы не добиваетесь физической близости. Видите ли, мне это не нужно. Просто как-то не по себе... я хочу понять, что все это значит?

Его рука, поддерживавшая Лору, напряглась.

— Я уже все объяснил. Я говорил, что чувствую влечение к вам и пытаюсь разобраться в этом.

— Вам вообще не стоило говорить ничего подобного. — Лора думала по ночам об этом и подолгу не могла уснуть. — Я чувствую себя неловко. Мне кажется, что вы добивались именно этого.

— Вы хотите, чтобы я заигрывал с вами? — спросил граф. Не дождавшись ответа, он добавил: — Вы хотите, чтобы я добивался физической близости с вами?

— Нет! — Лора вырвала свою руку. Эйвери поймал ее, и она невольно оказалась лицом

к лицу с ним.

Граф смотрел серьезно, словно внимательно изучал ее. Он желал ее, Лора видела это по его лицу, по раскрывшимся губам и напряженному взгляду.

— Я не заигрываю. — Это была ложь. Вся ее жизнь вдали от этого дома была сплошной игрой, флиртом, пустым фарсом.

Воцарилось напряженное молчание. Здание конюшни осталось позади них, они только что вошли в аллею, обсаженную кустами. Аллея тянулась вдоль восточной стороны дома, здесь чувствовался густой аромат лавровых листьев, самшита, вечнозеленых растений. Высоко на ясене пела малиновка, под ногами Эйвери хрустел гравий. У Лоры бешено билось сердце.

— Нет, вы не сделали ничего такого, что можно было бы принять за флирт. Интересно, понимал я тогда, что говорил? Наверное, я принял желаемое за действительное, — объяснил Эйвери.

По его едва заметной улыбке Лора поняла, что он заметил, как она покраснела.

— Вы сказали, что не доверяете мужчинам. Кэрлайн, вы мне хоть немного доверяете?

— Да, — кивнула Лора и насторожилась, сама не веря тому, что сказала. Или что чувствовала. Он собирался поцеловать ее. Как же она поступит в таком случае?

— Почему? — Эйвери подошел так близко, что носки их обуви соприкоснулись. Лора почувствовала тепло его дыхания. Самец малиновки над их головами старался перещеголять всех птиц, оказавшихся поблизости. *Еще один высокомерный самец.*

— Потому что Алиса любит вас, — просто ответила Лора и наблюдала за его губами, только за его губами. Он расплылся в кривой улыбке, на его правой щеке появилась чуть заметная ямочка. И хотя Лора почти была готова к этому, поцелуй стал для нее полной неожиданностью.

Эйвери наклонил голову и коснулся своими губами ее губ. От этого возбуждающего и щекочущего прикосновения у нее волосы на затылке встали дыбом. Эйвери не пытался обнять ее или продлить поцелуй, а просто взял ее под руку и зашагал дальше.

— Вы умная женщина, раз решили отбросить свои опасения и поверить чутью невинного ребенка.

— Я не говорила, что боюсь вас. — Губы Лоры дрогнули, и она, пытаясь скрыть волнение, поджала их. Лора ожидала страстного поцелуя. Тогда она ответила бы с такой же страстью, а затем, как всегда в таких случаях, дала бы ясно понять, что продолжения не будет. Она нашла бы выход и в том случае, если бы мужчина грубой силой попытался добиться большего. Лора без угрызений совести нанесла бы ему удар коленом в промежность или укусила бы его за ухо. Словом, она применила бы любой неподобающий, но необходимый для леди прием, после чего наглец охал бы, лежа на земле, и испытал бы страх за сохранность своего мужского достоинства. Лора уже поступала так, и не один раз.

Но это прикосновение к ее губам — что оно означало? Неужели ее дразнили так же, как она дразнила мужчин уже много раз? Лучше не придавать этому значения, притвориться, будто ничего не произошло, сделать вид, будто ее не охватил жар, будто она не ждет прикосновения его рук и губ к своей груди. Будто она не ждет, как его раскрытые губы прильнут к ее губам. «Ах, Пирс, как я могу испытывать такие желания к другому мужчине?» Может быть, это происходит потому, что Эйвери и Пирс похожи друг на друга? Лора отказалась от этой мысли. Неужели она способна вести себя так легкомысленно?

— Я набросал черновой вариант объявления о том, что мне требуется гувернантка, —

заговорил Эйвери, когда они вышли из аллеи и оказались на лужайке.

— В каких газетах вы собираетесь поместить его?

«Значит, он тоже способен делать вид, будто ничего не случилось. Невыносимый мужчина. Тут я похожа на него, но не полностью. Однако он, кажется, знает это. Все это игра. Мы оба играем каждый свою роль».

— Во всех лондонских, а также местных газетах. Вы не взглянете на него? — Лора кивнула. — Если желаете, можете пойти к Алисе в столовую. Я принесу объявление. Прошу вас сюда.

Французские окна, выходявшие в сад, были открыты, чтобы впустить целительный весенний воздух. Эйвери помог Лоре преодолеть подоконник, и она оказалась в голубой комнате, где уже был накрыт стол к завтраку. Когда она ступила на полированный пол, Эйвери, извинившись, ушел куда-то, вероятно в свой кабинет.

Алисы еще не было. Мисс Блексток уж точно делает все, чтобы избавиться от запаха пони и конюшни, наряжает девочку в подходящую случаю одежду. Лоре тоже следует помыться.

— Не покажете, где здесь можно вымыть руки? — обратилась она к служанке, которая поставила на стол вазу с фруктами.

— Да, мадам. Сюда, пожалуйста.

Лора не смогла удержаться от обычного любопытства, но ей не повезло — все двери комнат, выходявшие в холл, были закрыты. Служанка провела ее в маленькую комнатку, служившую туалетом, там был и умывальник. Служанка оставила Лору одну. Она неторопливо намылила руки мылом, пахнувшим лавандой, затем позволила прохладной воде струиться сквозь пальцы.

В голове Лоры зарождался фантастический план. Она напишет адвокату и управляющему и сообщит, будто на неопределенное время отправляется за границу. Затем скажет Эйвери, что она готова стать гувернанткой Алисы. Он ведь не отрицал, что она нравится Алисе и та хорошо относится к ней. Эйвери доверял ей, раз спрашивал ее мнение. Разговаривая с ней, Эйвери убедился, что она образованна и культурна. Что она настоящая леди.

Лора вытирала руки льняным полотенцем и наблюдала за тем, как ткань темнеет от воды. Она сосредоточилась на этом действии, пока ее голова была занята фантастическим планом. Она напряженно думала.

Лора не могла пойти на такой шаг. Как долго она сможет жить рядом с Алисой, не выдав себя? Она станет служанкой в доме собственной дочери, не имея ни власти, ни влияния. Рано или поздно Эйвери разоблачит ее, тогда ей придется уйти, а Алиса потеряет человека, которого могла бы искренне полюбить. Лоре было слишком больно думать об этом.

Когда она вышла, Эйвери уже пересекал холл. Лора была в полном порядке, выражение лица спокойное, прохладная вода и сила воли стерли следы волнения, вызванные недавним поцелуем.

— Как вас больше устроит? — Эйвери передал ей лист бумаги. — Может быть, прочтете это объявление в кабинете сейчас, до прихода Алисы?

Эйвери наблюдал за Лорой, пока та, стоя, склонила голову над черновым вариантом объявления. Ее волосы были аккуратно уложены, каждая прядь нашла свое место в строгой прическе. Но почему-то графу казалось, что они рвались на свободу, стремясь распусться,

впитать в себя все оттенки солнца — от светлого до рыжего. У нее было бледное лицо, бледнее, чем полагалось здоровой женщине. Исчезла вся краска, вспыхнувшая на них, когда Лора бросила ему дерзкий вызов в аллее.

Губы Лоры раскрылись и чуть шевелились. Она высунула кончик языка и коснулась им верхней губы. Эйвери угадал, что Лора так привыкла сосредоточиваться. Волна горячей крови хлынула к его паху. Он представил, как целует эти мягкие и теплые губы. Эйвери на мгновение коснулся их, пока боролся с желанием овладеть Лорой, почувствовать ее тело под собой, попробовать его на вкус.

— Вы пишете, что будущая гувернантка должна быть готова к поездкам.

— Да, это естественно. Я ожидаю, что еще до конца этого года должен буду выехать за рубеж. Тогда я возьму Алису с собой.

— В таком случае лучше уточнить, что эти поездки будут связаны с континентом, а не с Озерным краем^[2]. — Губы Лоры дрогнули, на них появилась слабая улыбка, затем ее лицо снова стало серьезным.

Эйвери боролся с соблазном, но все же не устоял.

— Мне хотелось бы узнать... Помню, вы говорили, что Алисе лучше нанять молодую гувернантку. Но мне пришло в голову, что и вдова подошла бы для этого.

Кэролайн невольно вздрогнула, и Эйвери заметил это. Он затаил дыхание. Неужели он так откровенно выдал свое желание? Черт подери, о чем он только думает?

Кэролайн молчала. Что это означало? Она опустила веки, темные ресницы были неподвижны. Возможно, Эйвери только показалось, будто она вздрогнула. Возможно, она не догадалась, что речь идет о ней.

— Не у всех вдов средний возраст, — ответила Лора, нарушив молчание.

— Да, действительно. Вам, к примеру... — Эйвери захотелось узнать ее точный возраст. Черная одежда и бледное лицо старят человека, так что ее возраст было трудно определить. Эйвери казалось, что ей не может быть больше двадцати пяти лет. — Мне просто пришло в голову, что лучше подойдет человек, у которого больше опыта в обращении с детьми.

— Но не у всех вдов бывают дети, — бесцветным голосом возразила Кэролайн.

«Будь ты проклят. Она ведь сказала тебе, что потеряла ребенка. Фолконер, ну и сморозил же ты несусветную глупость. Вообразив, что Кэролайн Джордан станет гувернанткой Алисы, ты предался мечтам наяву». В кого же он превратится, если начнет помогать гувернантки, женщины, живущей в его доме и находящейся под его покровительством? «В развратника, вот в кого», — упрекнул себя Эйвери. Он презирал мужчин, которые помогали женщинам, зависевших от них.

— Вот видите, как вы мне нужны. Без вас я бы совсем сбился с пути, — сказал он.

— Странно, что мужчина, решающий судьбы наций за столом переговоров, не может справиться с такой несложной задачей, как поиск гувернантки. — Слава богу, в голосе Кэролайн сквозила ирония.

— Черт зарыт в деталях, — ответил Эйвери, в отчаянии ухватившись за избитую фразу. Он ведь советовал герцогу Веллингтону прекратить вмешательство. Эйвери мог осадить самых влиятельных министров императора Александра, он мог вести переговоры на пяти языках, однако эта женщина, так умело скрывавшая все, что происходит в ее душе, загнала его в угол.

«Это происходит потому, что в общении с Веллингтоном ты думаешь не теми частями своего тела, из-за которых оказался в безвыходном положении. Хотя тут дело не только в плотском вожделении».

— Папа! Тетя Кэролайн! Завтрак готов, и я умираю с голоду.

— Алиса, мы идем. — Эйвери взял лист бумаги у Кэролайн и, понизив голос, сказал: — Как вы думаете, гувернантка сможет усмирить ее? Алиса носится по дому и кричит так, будто здесь не один ребенок, а целых пятеро.

— Надеюсь, что гувернантке это не удастся. — Улыбка мисс Джордан стала удивительно нежной. — Во всяком случае, не всегда.

За завтраком Эйвери наблюдал за Кэролайн, а та не отрывала глаз от Алисы. Она даже не взглянула на него. А это означало, что Эйвери либо так сильно смутил ее, что она не осмеливалась взглянуть на него, либо он ей был совершенно безразличен. Однако его безрассудное замечание о влечении поставило ее в столь неловкое положение, что она утром бросила ему открытый вызов. Кэролайн не вскрикнула, не ударила его по лицу, когда он поцеловал ее, но она также не дала ему повода развить свой успех.

Итак... Кэролайн не веселая вдова, она даже не столь изощрена, чтобы допустить мысль о возможности случайной любовной связи. Эйвери подозревал, что ее траур по мужу

ограничивается лишь внешними атрибутами — черной одеждой и размеренной жизнью. В этом скрывалась какая-то загадка.

— Миссис Джордан, ваш муж был землевладельцем?

— Он не владел обширными землями. Он был военным. — Кэролайн чистила яблоко для Алисы, почти не глядя на него, и следила за кожей, свисавшей с ножа.

— Он жил в этих краях?

— Мы жили в Лондоне, когда бывали вместе. — Ее рука уверенно орудовала ножом с острым лезвием. — Возьми, Алиса. Я постаралась снять кожуру непрерывной лентой, что очень важно, иначе волшебство не сработает. Если высоко поднимешь кожуру, а затем уронишь ее, тогда получатся инициалы твоего будущего мужа.

Алиса захихикала.

— Тетя Кэролайн, так дело не пойдет. Яблоко чистили вы, вам и ронять кожуру.

— Я не собираюсь выходить замуж еще раз.

— Прошу вас.

Эйвери наблюдал за ней. Его забавляло, что взгляд больших зеленых глаз девочки и едва заметно подрагивавшая нижняя губа подействовали не только на миссис Джордан, но и на него самого. Он вздрогнул, подумав, какое впечатление произведет Алиса на молодых людей, когда подрастет и совершит первый выезд в высший свет. Тогда ему все время придется носить с собой дробовик.

— Пусть будет так. Получится либо буква «З», либо «К» или что-то совсем неожиданное. — Кэролайн подняла кожуру и отпустила ее. Они вместе с Алисой внимательно разглядывали кожуру, точно ученые, вооруженные увеличительным стеклом. — Я ничего не могу разобрать, — наконец сказала она. — Волшебство явно подействовало, а это значит, что я больше не выйду замуж.

Эйвери наклонился через стол.

— Это строчная буква «Э», — заметил он. — Она обращена в мою сторону, вот почему вы не разглядели ее. Только посмотрите — эта буква почти круглая, если не считать маленького хвостика.

— С этой буквы ведь начинается имя Эйвери! — воскликнула Алиса.

Наступила мертвая тишина, которую вскоре нарушила Кэролайн:

— Алиса, твой папа женится на леди с титулом. Вероятно, она именно сейчас роняет яблочную кожуру. У нее уж точно получится прописная буква «Э». Так и должно быть.

— Вы не лишены задатков дипломата, — тихо заметил Эйвери, пока Алиса, покусывая яблоко, увлекалась составлением букв из кусочков кожуры. — Простите меня, если мы с Алисой смутили вас сегодня утром.

— Вы не смутили меня, — ответила Кэролайн и сосредоточила свое внимание на кусочке фрукта, лежавшего на ее тарелке.

Эйвери догадался, что Кэролайн и в самом деле не смутилась. Но она была подавлена. Он научился читать чувства, которые Кэролайн пыталась скрыть под холодным выражением лица. Глаза Кэролайн искрились, будто она сдерживала слезы, рука чуть подрагивала, пока она держала маленький острый нож. Что ее муж, черт его подери, натворил такого, что она так реагирует на разговоры о браке?

«Он когда-нибудь женится, и у Алисы появится мачеха. Девочка станет называть ее мамой и полюбит ее. Они заживут одной семьей в какой-нибудь шикарной европейской

столице, пока Эйвери продолжит работу на поприще дипломатии. Вернувшись в Англию, они начнут устраивать большие вечеринки в Уикхем-Холл. Алиса вырастет, другая женщина будет подбирать ей платья, делиться с ней секретами. Прольются первые слезы, когда за ней начнут ухаживать. Другая женщина станет... Прекрати это!»

[Купить полную версию книги](#)

notes

Венский конгресс проходил в 1814–1815 гг. с целью урегулирования территориальных и политических вопросов после поражения Наполеона. *(Здесь и далее примем, пер.)*

Озерный край — горный район с множеством озер в северо-западной части Англии.